

блематика – пропаганда проти більшовиків; обвинувачення комісарів; описання таборів або другосортні “творчі” і часто “сентиментальні” описи в журналах таких, як “Белая лилия”.

Як бачимо в період румунської окупації в Одесі було три основні газети, які найбільш повно репрезентували на своїх сторінках рубрики присвячені освітнім процесам, регулярно поміщали статті про відкриття та діяльність навчальних закладів. Це – «Одесская газета», «Одесса» та «Молва».

Джерела та література

1. Odessa, 1941–1944: a Case Study of Soviet Territory Under Foreign Rule. – Santa Monica, 1957.– 296 p.; Щетников В.П. Одесский университет:1941–1944 годы (по материалам оккупационной прессы)//Записки історичного факультету.–Одеса.–1999.– Вип.9.–с.266–271; Михайлуца М. Християнізація по-румунськи в Транснїстрії (на матеріалах преси 1942 – 1943 рр.) //Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. – Львів: Логос, 2004. – С. 377 – 381.
2. Одесская газета.– 1941.– 29 октября.
3. Там само.– 1942.– 5 февраля.
4. Одесская газета. –27 августа.
5. Там само. –1943. –12 мая.
6. Dallin A. Вказ. праця – 56 р.
7. Молва. – 1942. – 30 дек.
8. Там само.
9. Там само. – 58 р.
10. Одесса. – 1942.– 25 августа.

Прохорова Т.А.

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДЕМИДОВ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮЖНУЮ РОССИЮ И КРЫМ»...

Историческое прошлое Крыма наполнено многообразными событиями, примечательными датами и, конечно, именами. Среди них – имя Анатолия Николаевича Демидова – представителя знаменитого в России рода Демидовых, путешественника, исследователя Южной России и Крыма. Такие качества, как напористость и энергичность, составляют основу его характера – страстного и безудержного ко всему новому и неизведанному. Именно это в сочетании с амбициозностью и целеустремленностью выгодно отличают его из общего числа путешественников, посетивших наш полуостров в I половине XIX ст.

Демидовы – род уральских горнозаводчиков. Интерес к ним и, соответственно, к их выдающемуся вкладу в историю отечественного промышленного предпринимательства мы видим уже в исторической литературе XVIII в. (в сочинениях И.И. Веймарна, В.И. Геннина, И.И. Голикова, В.И. Крамаренкова). Более полные сведения о роде Демидовых содержатся в монографических работах XIX в. (Г.И. Спасского, К.Д. Головщикова, В.В.Огаркова), энциклопедических словарях Плюшара, Брокгауза и Эфрона, Русском биографическом словаре. Особенно ценна книга секретаря Демидовского юридического лицея К.Д. Головщикова «Род дворян Демидовых» (Ярославль, 1881), обобщившая собранные к тому времени материалы.

О Демидовых писали и в советское время, в основном те исследователи, которые занимались историей отечественной металлургической промышленности (Е.И. Заозерская, Б.Б. Кафенгауз, Д.А. Каминцев, П.Г. Любомиров, Н.И. Павленко, А.А. Преображенский). Наиболее ценными является для нас монографии и статьи И.Н. Юркина, в частности книга «Демидовы: Ученые, инженеры, организаторы науки и промышленности» (М., 2001). В ней подробно излагается история рода, большое внимание уделяется тем его представителям, которые сыграли особую роль в развитии техники, науки, образования. Среди прочих автор ставит перед собой задачу выявить роль Демидовых-ученых в генезисе российской элиты [12, с. 10].

Главным героем нашего обозрения является Анатолий Николаевич Демидов, сведения о жизни и деятельности которого и в источниках, и в исследовательской литературе весьма скупы. Возможно, недостаточное внимание к его фигуре объясняется тем, что она меркнет на фоне таких посетивших и описавших Крым в конце XVIII – начале XIX в. исследователей, какими были, например, В. Зуев, П.С. Паллас. Демидов же не оставил значительных по объему трудов, не сделал выдающихся открытий, да и работал он не самостоятельно, а с группой ученых. Сказалось и то, что всем хорошо известная его фамилия говорила сама за себя, а краткие сведения об Анатолии Николаевиче при необходимости можно найти в энциклопедиях и энциклопедических словарях. Нередко эти сведения переключивались в специальные работы, включая те, что публиковались в крымоведческих изданиях. Самым ярким примером сегодня являются опубликованные материалы докладов и научных статей международной конференции «Пилигримы Крыма», собравшей ряд ценных сведений о путешествиях по Крыму и путешественниках в Крыму [5, с. 96].

В общем списке вояжеров Демидов занимает отнюдь не последнее место, будучи не только путешественником, исследователем, но и владельцем имения на полуострове. Наиболее ценны для нас работы И.Н. Юркина, на основе надежных источников исследовавшего многие вопросы, связанные и с историей рода Демидовых, и конкретно с жизнью и деятельностью одного из лучших его представителей – А.Н. Демидова.

Анатолий Николаевич Демидов жил в те времена, когда увлечение науками светского общества замет-

но ослабело (впрочем, благотворительность в отношении образовательных учреждений не исчезла). Не случайно мемуарист В.А. Соллогуб, рисуя портрет Демидова, обратил внимание не на его увлечение науками, а совсем на другие черты: «Анатолий Демидов проживал почти всегда в Париже, где приобрел себе большую известность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконец, своей женитьбой на хорошенькой принцессе Матильде Бонапарт» [9, с. 444].

Такая нелестная слава не помешала, однако, А.Н. Демидову предстать пред миром еще и образованным, увлеченным науками человеком, и эта увлеченность была не дилетантской. Сама жизнь требовала от людей деятельных обращения к научным занятиям. Первая четверть XIX в. в России – время развития промышленности, освоения природных богатств. Страна нуждалась в квалифицированных специалистах. Российская Академия наук организывает экспедиции, приобщает к научным занятиям талантливую молодежь, поощряет молодых ученых. А.Н. Демидов избирается почетным членом четырех (!) академий наук – Петербургской, Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской [12, с. 210].

Третий сын Николая Никитича Демидова и Елизаветы Строгановой, он родился 12 марта 1813 г. в Москве. Именно такую дату рождения А.Н. Демидова называет И.Н. Юркин со ссылкой на «Перечень пожертвований, сделанных родом Демидовых», опубликованном в «Демидовском временнике» (в словаре Брокгауза и Эфрона, «Большой Советской Энциклопедии» годом его рождения назван 1812-й, причем, без месяца и дня) [12, с. 258]. Долгое время жил в Париже, где его воспитанием занимался патер Брандт. В Россию вернулся в 1830 г. В возрасте 16 лет юноша потерял отца, который оставил ему в наследство огромные богатства (около 2 млн. руб. дохода в год). Поначалу его долей имущества управляли опекуны – старший брат Павел Николаевич Демидов (1798–1840) и дядя Дмитрий Николаевич Дурново, происходивший из известного дворянского рода. Достигнув совершеннолетия, Анатолий решил самостоятельно распоряжаться своими капиталами и сразу же пожертвовал 0,5 млн. руб. на основание в Петербурге Демидовского дома призрения трудящихся [12, с. 210].

В молодые годы Анатолий Николаевич в чине действительного статского советника пребывал на службе в Министерстве иностранных дел и не забывал при этом делать крупнейшие пожертвования. На организацию «Николаевской детской больницы» выделил вместе с братом Павлом 200 тыс. руб [10, с. 611]. За щедрые пожертвования был пожалован в камергеры и причислен к русскому посольству в Вене. Помимо того он состоял при русском посольстве во Флоренции, Риме, Лондоне и Париже вплоть до 1836 г. Вышел в отставку по здоровью, остался за границей, и прожил там большую часть своей жизни.

Важным событием в жизни А.Н. Демидова стала женитьба на Матильде де Монфор (1820–1904), дочери Жерома Бонапарта, брата Наполеона Бонапарта [11, с. 465]. Этот брак был неоднозначно воспринят на родине. Многие считали его небескорыстным с обеих сторон: для Демидова это была возможность породниться с императорской семьей, для Бонапартов – поправить свое финансовое положение за счет богатого зятя. Было и ещё одно малоприятное обстоятельство - за Демидовым отказывались признавать его новый титул – князь Сан-Дonato. Это небольшое княжество стало для него постоянным пристанищем в Европе. Последние годы Анатолия Николаевича прошли в Сан-Дonato и Париже, где он и умер 17(29) апреля 1870 г.

Живя за границей, Анатолий Николаевич не забывал о своей родине, не оставался равнодушным к её проблемам. Поэтому он живо откликнулся на события Восточной войны (1853 – 1856 гг.), предоставив в распоряжение Николая I все свои заводы [7, с. 1]. Кроме того, Демидов оставался верным родовым традициям и всегда следовал важнейшей из них – благотворительности. «Когда Шереметьевы строили приемные дома, Куракины – богадельни, Голицыны – больницы, Демидовы осыпали золотом юный Московский университет и только что созданный Екатериной II Воспитательный дом», – так освещалась филантропическая деятельность рода Демидовых в XVIII в. [1, с. 5]. В отношении науки Анатолий Николаевич был особенно щедр: поддерживал материально научные центры, возродил Демидовскую премию брата Павла, подготовил и осуществил научно-исследовательскую экспедицию на юг России, в том числе в Крым в 1837 г. Такого рода экспедиции, проводившиеся на частные средства, были довольно обычны в первой половине XIX в. Красивые ландшафты, богатая история, сохранившиеся остатки далеких времен, этническое многообразие – это и многое другое привлекало ученых, писателей, деятелей искусства [1, с. 6].

Маршруты экспедиций Демидова проходили по тем районам, которые в те времена еще были недостаточно изучены [12, с. 217]. Особенно это касалось Крыма, и многим хотелось быть первым в деле его познания. Известный исследователь полуострова П.И. Кёппен отмечал, что главная цель его поездок – «сохранить для будущих времен сведения о неизглаженных донныне следах греческих поселений на Южном берегу Крыма и в то время собрать топографические известия о татарских наименованиях, главных на берегу урочищах» [6, с. 9]. Он отмечал, что «полного, систематического обозрения Крыма в отношении к его древностям никто не представил и представить не мог, ибо для собрания необходимых для сей цели материалов потребны годы и досуг». Кёппен старался как можно подробнее описать все встречавшиеся на его пути памятники древности. Такие же в целом цели ставил перед собой и 24-хлетний Анатолий Демидов, организовавший собственную экспедицию. Он обеспечил материально работу в Крыму группы французских специалистов, ее двухлетние исследования стали этапом в научном изучении юга России и Крыма.

Вообще говоря, цели экспедиции Демидова определял довольно расплывчато, говоря, что он испытывал «какую-то неопределенную потребность к изучению стран» в южных провинциях России [3, с. 3]. Создается впечатление, что в первую очередь им двигало личное любопытство: «Демидов не рядился в тогу ученого, осознавая, что она едва ли придется ему по фигуре. Его позиция была вполне трезвой и реалистичной. Не прикидываясь специалистом в науках, требующих глубоких систематических знаний, он пытался найти себя в другом качестве» [12, с. 220]. Демидову было интересно увидеть довольно быстро обустрои-

вавшиеся недавно вошедшие в состав России земли на юге, которые теперь «*составляют Новороссийский край, чем переменили сомнительное шаткое бытие свое на прочное и единообразное устройство, которое со временем, без сомнения, утвердится еще более*» [3, с. 2, 3]. Анатолий Николаевич приветствует такой ход событий, ведь с присоединением к России южные области обрели стабильность, защищены от бесконечных войн и разорений. Но сожалеет о том, что новые земли со временем утрачивают свою неповторимость. Затухают следы кочевых племен, давших этой земле 20 колен варварства и удивительного исторического быта. Демидов выбрал для себя сферы истории, этнографии, культурологии, отчасти – экономической географии [12, с. 220].

Анатолий Николаевич сам подобрал участников экспедиции. Предполагалось, что из Франции в Россию должны были отправиться топографы, штейгеры, химики, палеонтологи, медики, художники – всего 22 человека. На месте к ним должны были присоединиться приглашенные Демидовым российские специалисты и рабочие. Подготовка к путешествию пришлось на весну 1837 г.

Первый отряд, который Демидов отправил в Петербург, состоял из пяти человек (четыре штейгера во главе с «*опытным производителем работ*» Эйро). Ему предстояло проехать всю Россию с севера на юг и остановиться лагерем недалеко от устья Дона [3, с. 3].

Второй отряд, включавший «*главных распорядителей минералогическими изысканиями*» [3, с. 5], должен был следить за деятельностью первого отряда, заниматься изучением химического состава земель региона и выполнять топографическую съемку. Его членам предстояло пройти путь на восток через европейские страны, Среднюю Германию и южные губернии России к Дону и Донцу. В составе первого отряда, отправившегося из Парижа 6 июня 1837 г., выехали Ж.-Ж. Гюо, Левеле и Руссо. Им предлагалось не спешить, осматривая по пути все неизвестные объекты, включая города. На роль руководителя второго отряда Демидов пригласил профессора Парижской горной школы, ученого члена Королевского французского корпуса горных инженеров Ле-Пле (1806–1882). Ему предстояло заняться изучением угольных залежей Новороссии. Помимо того Ле-Пле всерьез занимался философией и социологией. Во втором отряде работали также гражданский инженер, воспитанник Сент-Этьенской школы А. Маленво, инженер Королевского корпуса путей сообщения, член французского Института, сенатор Леон Луи Лаланн (1811–1892).

Третий отряд во главе с самим Анатолием Николаевичем оказался самым многочисленным. Демидов разделил его на две части для облегчения передвижения. Местом их воссоединения назначил Вену. «*22 человека, думал я, рассеяны теперь по разным местам Европы, все воодушевлены одною мыслию и с жаром стремятся к одной и той же цели*» [3, с. 5]. Путь Демидова и его спутников лежал из Парижа на север, в направлении Маасского департамента – вдоль Марны через города Мо, Шалон, Витри, Сен-Дизье. Двигаясь на восток, экспедиция проехала Эпиналь, Страсбург, Баден-Баден, Раштатт, Карлсруэ, Штутгарт, Гайслинген, Ульм, Мюнхен, прибыла в Вену. Путь не был сложным – это ясно из описания автора. Спутниками Демидова были люди интересные, в том числе и художник Огюст Раффе (1804–1866), о котором автор рассказывает больше, чем о других членах экспедиции. Он писал: «*Раффе деятелен и умеет воспользоваться малейшими случаями в дороге: рука его всегда готова, карандаш всегда очищен; нужен только предлог и он набросает на бумагу все встречаемое на пути*» [3, с. 19]. Раффе считался лучшим среди французских баталистов. Он изучал военный быт, блестяще изображал стремительность атак, передвижение войск, эпизоды солдатской жизни. Известен он и как карикатурист, и как иллюстратор литературных произведений Беранже, Вальтера Скотта, Шатобриана, Тьера. Талант Огюста Раффе пригодился и во время его поездки с Демидовым в Крым, к описанию которой он подготовил 14 рисунков.

Помимо французских специалистов в экспедиции Демидова принимали участие и российские ученые. Среди них – одессит А.Д. Нордман (1803–1866). Участие в демидовском путешествии сыграло важную роль в научной карьере Нордмана: вскоре он был командирован царем в Париж для наблюдения за изготовлением атласа и в качестве рисовальщика. В 1838 г. прибыл в Париж и в течение 11 месяцев работал над завершением оформления атласа, который включал топографические, геологические и горнопромышленные карты, цветные изображения животных и таблицы растительных объектов. Все они были выполнены акварелью от руки, изображения рыб – с оригинальных акварелей Нордмана [8, с. 94].

Получив от генерал-губернатора края М.С. Воронцова приглашение в Крым, путешественники не замедлили отправиться на обозрение полуострова. В пути они проследовали мимо представлявших исторический интерес мест – монастыря св. Георгия, генуэзских развалин в Балаклаве. Пароход проплыл мимо виноградников местечка Кастропуло (совр. Кастрополь) – одного из приобретенных отцом путешественника владений, в котором Анатолий Николаевич еще не успел побывать.

Оставив под покровительство Воронцова своих товарищей, Анатолий Николаевич в тот же вечер вернулся в Ялту. Из членов экспедиции его сопровождал только Сенсон, которому он должен был дать указания относительно руководства крымским отрядом во время своего отсутствия. С французами отправился адъютант генерал-губернатора граф Галатери, которому Воронцов поручил сопровождать Демидова в его поездке в Донскую землю. С этого момента повествование в записках нашего путешественника подразделяется на два потока: описание поездки Демидова в Подонье (к Донскому отряду экспедиции) и рассказ о занятиях французов, оставленных в Крыму.

Демидов и его спутник проехали Массандру, Ай-Даниль, достигли Симферополя – «*главного города Крыма, где сосредоточено управление всей областью*». Затем была Феодосия – «*город генуэзцев и татар*», запавшая в память странным сочетанием «*совершенно итальянской наружности, напоминающей Болонью*», с сохранившимися «*следами мусульманского быта*» [3, с. 292–294].

А в это время члены крымского отряда тщательно изучали полуостров. Маршрут путешествия им по-

мог составить Воронцов. Вечером 13 августа по новому стилю они выехали из Ялты. В качестве главных объектов посещения намечались Бахчисарай, Севастополь и Херсонес. Путешественников снабдили всем, «что могло доставить всякого рода удобства и облегчить изучение края»: от генерал-губернатора письма, обеспечивавшие им всюду радушный прием, а также предписания на русском и татарском языках, благодаря которым им немедленно предоставляли лошадей и повозки.

Оставив позади горы, путешественники направились к некогда цветущей экс-столице Крымского ханства Бахчисараю. Ханский дворец поразил изобилием воды и фонтанов и всецело оправдал их ожидания. И следующий пункт программы, предусматривавший обозрение верхом на татарских конях пещерного города караимов Чуфут-Кале, не оставил исследователей равнодушными. Это, по замечанию рассказчика, «может быть единственный в целом мире городок, принадлежащий исключительно израильскому племени». Описывая «Чуфут-Галег», автор параллельно попытался выяснить, чем караимы отличаются от прочих иудеев: они отвергают Талмуд и прочие толкования, признавая одну Библию; расходятся с раввинами в некоторых обрядах, ограничивают возможность брака иной степеню родства; повсюду «пользуются некоторой степенью исключительности»; «физиономии их опрятные и выражающие радушие; они чрезвычайно опрятны, вежливы, предупредительны, но не унижают себя ни до какой подлости» [3, с. 336]. Большое впечатление на путешественников произвело караимское кладбище в Иосафатовой долине.

На следующий день было продолжено знакомство с дворцом и осмотрено ханское кладбище, после чего Гюо и Раффе на четырех телегах отправились в Севастополь. Этот город привлекал путешественников не только древностями окружавшей его местности и природной средой юго-западной оконечности полуострова – Севастополь заслуженно считался в это время еще и «одним из превосходнейших военных портов не только на Черном море, но и в целом мире» [3, с. 334].

Ознакомившись с городом, путешественники они двинулись к Ласпи по дороге, по которой некогда проезжала императрица Екатерина II. Впереди на востоке лежало Кастропуло, демидовское имение, мимо которого в прошлый раз проплыли, не остановившись. Теперь решено было его посетить. Редких древностей тут не имелось (хотя название места они перевели как «небольшое укрепление»), жилые и хозяйственные постройки были самыми рядовыми. Свообразие имению придавали виноградники, введенные здесь в 1828 г. из лучших испанских сортов, а также его уникальное месторасположение [2, с.8].

Покинув Кастропуло, путешественники проехали несколько татарских деревень, Алупку и возвратились в Ялту. Несмотря на то, что в тексте рассказа об этих поездках сведений о научной работе отряда немного, очевидно, что двухнедельное путешествие не прошло в этом отношении бесполезно: из него была привезена коллекция «редких естественных произведений всякого рода». Специалисты немедленно занялись их обработкой, и одновременно составлением нового маршрута.

Уже 1 сентября часть отряда отплыла на корабле «Петр Великий» в Одессу, где ее ожидал Демидов. Предполагалось посетить Вознесенск, а по завершении «военного торжества в обширных стенах Одесской области» через Одессу отправиться в Козлов (Евпаторию) [3, с. 421].

На пути к Евпатории Демидова заинтересовали соленые Сакские озера, известные целебными свойствами своих грязей. Он перечисляет болезни, от которых ими лечатся (ревматизм, параличи), называет календарный период, в течение которого производится лечение, и даже описывает его методику: «Лечение состоит в том, что больного кладут в небольшую яму и до самой головы закрывают густою черною грязью, которая, будучи нагреваема солнцем, оказывает, как слышно, самое спасительное действие» [3, с. 423].

Из Евпатории путешественники направились по маршруту: Симферополь – Карасубазар – Феодосия – Керчь – Тамань – Карасубазар – Алушта – Ялта – Алупка – Одесса. Из Симферополя они совершили поездку к горе Чатырдаг, совершив восхождение по ее южному склону.

Вернувшись в Симферополь, осмотрели выставку крымских сельских и промышленных произведений, подготовленную по случаю ожидавшегося приезда императора. В крымской столице познакомились с Монтандоном, автором путеводителя по Крыму, который по заключению Демидова, «кажется, изучил подробно и добросовестно этот край». Беседа с Монтандоном была «продолжительной и занимательной», Демидов пишет, что участники экспедиции получили «случай прояснить многое, что было для нас темно при собственных наших наблюдениях», и разъяснить некоторые положения, затронутые в книге Монтандона или же освященные авторитетом общего мнения [3, с. 237].

Окончательно покинув Симферополь 21 сентября, экспедиция направилась к Карасубазару, а затем к Керчи. При приближении к Керчи Демидов обратил внимание на курганы, попадавшиеся «на каждом шагу». Планировка и архитектура города вызвала у него положительные отзывы. Керчь понравилась ему своим гладким шоссе, не слишком широкими улицами, добротными тротуарами, ясной планировкой, чистотой, то есть цивилизованным, чисто европейским обликом. Путешественник посетил недавно выстроенное здание историко-археологического музея, от которого к городу вела «исполинская лестница», ее украшения отличались «прекрасной отделкой» [3, с. 476]. Музей получил самую высокую оценку Демидова благодаря богатству и разнообразию выставленной в нем коллекции, художественным достоинствам и исторической ценности вещей, научности подхода к построению экспозиции, организованной по хронологическому принципу.

Из мест, в которых побывали участники при возвращении в Ялту, следует упомянуть Никиту с ее ботаническим садом, уже в то время, по словам Демидова, «драгоценным» и «знаменитым». Прибыв в Ялту, путешественники занялись подготовкой к отъезду. В последний раз посетили и осмотрели Алупку, затем со всем имуществом перебрались на пароход «Петр Великий» и отплыли в Одессу.

Путешествуя по Крыму, Демидов и его спутники проявляли особый интерес к истории полуострова, это

нашло отражение в последней главе книги «Путешествие в Южную Россию и Крым...». Примечательно, что в представлении автора в историческое бытие региона входят не только прошедшие времена, но и *«надежды на будущность, из которых многие уже перешли в сущность»*. Перед читателем проходит длинная вереница народов, населявших полуостров издревле: тавры, легендарные амазонки, скифы, греки, сарматы, готы, гунны, хазары, печенеги, татары, итальянцы (из Венеции, Генуи, Пизы). Рассказывается о династии Гераев, о русских военных походах во главе с Минихом и Ласси, присоединении Крыма к России. *«Таким образом, – заключает Демидов, – совершились судьбы Тавриды и различия племен, ее населяющих, успокоились под сению благотворного Российского правительства, которого отеческую попечительность они не замедлили оценить»*. Ставшие было выселяться жители, большей частью возвратились назад. Заметно опустела только степная часть Крыма. Началось, однако, бурное развитие территорий Южного берега: *«... на плодородной почве этого берега они развели прекрасные виноградники, и теперь этот край, столь долго представлявший дикую пустыню, сделался в полном смысле этого слова садом, в котором взор на каждом шагу встречает красивые рощи, сады, цветы и плоды»* [3, с. 513].

Из Одессы экспедиция возвращалась во Францию. Одна группа ее участников во главе с Демидовым отправилась через Бессарабию, Моравию, Силезию, Вену и Бельгию. Другая на корабле «Петр Великий» пошла в Константинополь. Путешествие закончилось в марсельском карантине, где участники экспедиции *«нашли отдых и уединение, наполненные воспоминаниями»* [3, с. 536].

На плечи Анатолия Демидова легли хлопоты не только по организации экспедиции, но и по оформлению и изданию результатов ее трудов. Над книгой, посвященной путешествию, работали и сам Демидов, и многие участники экспедиции, в том числе такие известные ученые, как геологи Ле-Пле и Гюо, ботаник Левейе, зоолог Руссо, из российских специалистов – А.Д. Нордман.

Книга несколько раз публиковалась в Париже на французском языке. В 1838 г. появился «Очерк путешествия в Южную Россию и Крым в 1837 г.» [10, с. 610]. В 1840–1842 гг. вышло в свет четырехтомное «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 г. под руководством Анатолия Демидова». Первый том касался в основном этнографических, исторических и статистических материалов, четвертый был посвящен геологическим исследованиям, преимущественно на территории Области Войска Донского. К текстовым томам прилагались два иллюстрированных: атлас из 95-ти рисунков *«естественных предметов»* (животного мира), карт, в том числе с изображениями Южной России и Крыма; альбом с 78-ю иллюстрациями работы Раффе [12, с. 241]. Автор удостоился Демидовской премии по географии (от денежного вознаграждения, однако, отказался).

Через некоторое время описание путешествия было опубликовано и в переводе на русский язык: «Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым, членом Императорской С.-Петербургской Академии наук и искусств, Императорского С.-Петербургского университета, и Академией Парижской, Мюнхенской, Стокгольмской. Издание, украшенное рисунками Раффе» (М.: В тип. А. Семена, 1853. 543 с.). Согласно К.Д. Головщикову, в основу издания было положено французское однотомное. Но это, скорее, ошибка: в предисловии к русскому изданию в качестве оригинала указан французский четырехтомник 1840 г. Достойным внимания отечественного читателя российский издатель счел первый и последний тома, которые и были переведены. Расходы на подготовку и публикацию перевода взял на себя А.Н. Демидов, а заботы по организации печатания издания – граф С.Г. Строганов, бывший попечителем Московского учебного округа в 1835–1847 гг. и принимавший участие в демидовской экспедиции как знаток горного дела. Помимо прочего С.Г. Строганов приходился устройству экспедиции двоюродным братом (сестрой его отца, барона Григория Александровича, была мать Анатолия баронесса Елизавета Александровна) [12, с. 243].

Книга вышла в России через 16 лет после экспедиции Демидова. На ее появление откликнулись все ведущие периодические издания, но рецензенты отмечали, что интересы читателей к этому времени уже несколько изменились. Явно устарели, например, заметки путешественников по статистике и этнографии.

Заслуги Демидова ни в коем случае не заслоняют значимость работы других членов экспедиции. Но Анатолий Николаевич был ее вдохновителем, без него она просто не состоялась бы. Путешествие молодого Демидова сыграло также важную роль в воспитании молодежи: оно давало пример для подражания, а опубликованная им книга обогатила новыми знаниями представителей молодой просвещенной интеллигенции.

Сегодня текст «Путешествия...» А.Н. Демидова приобрел характер исторического источника, богатого остроумными наблюдениями и яркими фактами, порой уникальными. Между тем оно незаслуженно мало используется авторами научных трудов. Е.И. Дружинина в одной из своих монографий отметила, что *«заметки Демидова очень ценны»* [4, с. 11] и заслуживают глубокого анализа. Изучив произведение Демидова, можно закрыть ряд белых пятен в истории Крымского полуострова.

Особо следует подчеркнуть, что О. Раффе изобразил различные виды городов, селений Крыма, попытался иллюстративно представить животный и растительный мир полуострова, а также портреты реальных людей и национальное своеобразие проживающих здесь народов. Другим важным итогом стал обширный текстовый комментарий экспедиции. Сведения из области истории, археологии, этнографии, естествознания и статистики Крыма автор почерпнул у древних авторов – Страбона, Геродота, а также Палласа, Стевена, Кеппена, Скальковского, Монтандона. Тщательно отображены события современной жизни Крыма: строительство церкви Иоанна Златоуста в Ялте и археологического музея в Керчи, возведение фортификационных сооружений в Севастополе, реставрация Бахчисарайского дворца. Более того, путешественники едва ли не самые первые из вояжеров, кто связал в общественном мнении славу Пушкина с Бахчисараем, поскольку именно поэт, по их замечанию, «обессмертил печальную любовь Крым-Гирея к своей пленнице»

[2, С. 8].

Говоря о путешествии 1837 г., не хочется преувеличивать в ней роль одного человека: каждый из участников внёс свой посильный вклад, способствуя достижению намеченной цели. Однако А.Н.Демидов был вдохновителем экспедиции, её внутренним двигателем, без которого не состоялось бы и половины задуманного. Пролетанный им путь от Парижа до Крыма, а затем и путешествие на Донбасс, - не что иное, как результат его собственных усилий. Если верить Аристофану, который говорил, что путешествия развивают ум молодёжи, то можно совершенно уверенно сказать, что такое содержательное путешествие, как путешествие Демидова, подготовило для этого колоссальную почву. И он, как представитель просвещённой молодой интеллигенции, во многом этому способствовал.

Источники и литература

1. Брагина Т., Васильева Н. Путешествие по дворянским имениям ЮБК: Забытые имена. – Симферополь: Таврия, 2001. – 361 с.
2. Галиченко А.А., Филатова Г.Г. Первое паломничество Демидовых в Крым // Пилигримы Крыма: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Сб. науч. ст. и мат. – Вып. 1 (6). – Симферополь: Крымский Архив, 2003. – С. 4 – 12.
3. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное под руководством г-на Анатоля Демидова гг. Сансоном, Гюйо, Левелье, Раффе, Руссо, Нордманом и Дю Понсо. – М.: В типографии Семена, 1853. – 543 с.
4. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825-1860. – М.: Наука, 1972. – 384 с.
5. Калашникова О.Л. Французские путешественники в Крыму в XVIII в. // Пилигримы Крыма, осень – 1998: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Мат. междунар. науч. конф. – Симферополь: Крымский Архив, 1999. – С. 96 – 102.
6. Кеппен П.И. Археологические и топографические поездки на берегу Южного Крыма // Одесский вестник. 1834. 17 января.
7. Колесникова Н. По маршруту экспедиции Демидова // Крымские известия, 15 декабря 2007. – № 231 (3950). – С.1
8. Пузанов И.И. Александр Давидович Нордман (1803 – 1806). – М.: Науч. лит-ра, 1969. – 83 с.
9. Соллогуб В.А. Повести и рассказы. Воспоминания. – М.: Сов. Россия, 1988. – 348 с.
10. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии. – Т. 4. – М., 1993.
11. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии. – Т.2. – М., 1993.
12. Юркин И.Н. Демидовы: Учёные, инженеры, организаторы науки и промышленности. – М.: Наука, 2001. – 333 с.

Чанцов И.Н.

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА БАЛКАНАХ В 50-60-Е ГОДА XIX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Крымская война оказалась важным переломным этапом в развитии всех европейских держав и народов. Даже страны, не участвовавшие в ней прямо, почувствовали на себе влияние перемен, которые пришли вместе с Парижским миром 1856 года. Наиболее значимым прямым ее результатом в сфере международной политики был стремительный рост политического могущества Франции, которая не замедлила воспользоваться этим фактом и активизировала свою деятельность в наиболее доступном для политического вмешательства регионе – Балканском полуострове. Восточный курс Франции на протяжении третьей четверти XIX века пережил немало изменений и тесно связан с общеевропейской политикой Второй империи. Поэтому изучение этого вопроса раскрывает как аспекты региональной истории, так и дает возможность понять в целом проблемы международной политики этого значимого в европейской истории периода. Данная тема имеет богатую и разнообразную историографию. Предоставить её обзор и анализ и является целью исследования.

Первые оценки восточной политики Франции 50-60-х годов XIX века появляются вместе с первыми общими работами по истории Второй империи. Это труды представителей так называемого официального направления конца XIX-первой трети XX в. П.Лягорса, Ж.Шамбрие, Г.Паже и других [1]. Под формулировкой "официальное направление" мы подразумеваем приверженность авторов устоявшейся до них в науке системе оценок тех или иных событий, процессов, явлений, фактов истории. Сложившаяся еще в эпоху Второй империи тенденциозность, стремление показать в выгодном свете внешнеполитическую деятельность дипломатии Наполеона III, идеализировать ее, – эти веяния прошли сквозь времена не только самой империи, но и продолжили свое существование во французской исторической науке времен Третьей республики. Можно увидеть в этом и естественный патриотизм авторов, не желающих оттенять негативные стороны дипломатии своей страны, пусть даже и времен режима, канувшего в историю. Тем не менее, указанные работы представляют большой интерес, благодаря обширному фактическому материалу, содержащемуся в них. Здесь можно найти полноту сведений, касающихся внутренней жизни Франции, особенности организации системы власти, в частности взаимосвязь правительственных структур и отдельных лиц. Это немаловажно, поскольку позволяет выяснить, какие политические деятели в разные периоды существования режима имели наибольшее влияние на императора, а значит на политику государства. Также ярко пред-